

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КАТЕГОРИИ СПОНТАННОСТИ (педагогический аспект)

*Работа представлена Читинским филиалом
Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств.*

В статье обосновывается методологическое значение категории спонтанности для педагогики. Категория спонтанности играет определяющее значение для проектирования основного пути образования – индивидуализации, так как спонтанное восприятие, переживание, поведение утверждает собственную самооценку, самореализацию личности. Спонтанность характеризуется как «внутренняя возможность» для «открытого поведения» человека в мире на основе синтеза восприятия, открытости чувства, свободного воображения и игры, заключающей в себе амбивалентность реальности и условности.

Ключевые слова: произвольность, свободная воля, самополагание в полифоничной множественности, свободный выбор, ситуативность, событие-встреча, неопределенное поле действия, открытость Иному.

N. Orekhova

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SPONTANEITY (pedagogic aspect)

The article substantiates the methodological significance of the category of spontaneity for pedagogics. This category plays a determinative role for defining the main direction of education – individualisation, as spontaneous perception, experience, behaviour state personal self-value and self-realisation. Spontaneity is characterised as an “inner ability” for “open behaviour” of a person in the world on the base of free imagination and play comprising the ambivalence of reality and conventionalities.

Key words: arbitrariness, free will, self-reliance in polyphonic plurality, free choice, event-meeting, situativeness, indefinite theater, openness to the Other.

Не вызывает сомнения мысль о том, что философское знание определяется как основа понимания происходящих событий в мире и формирования представлений о мире, свойственных всему обществу и отдельному человеку. Философия обосновывает представления о мире и о человеке, которое формируется в процессе образования, т. е. в процессе развития, обучения и воспитания личности. В связи с этим фактом возникает необходимость осмысления с философской точки зрения понятия спонтанности как категории, играющей определяющее значение для проектирования основного пути развития об-

разования – индивидуализации, «пути к себе», который проходит через последовательность значимых встреч с людьми, соприкосновение с областями культуры и видами деятельности, постижение потенциальных возможностей и выстраивание жизненной стратегии. Как справедливо отмечает И. Калинаускас, единственное, чему надо научиться всерьез, – это спонтанность, потому что только спонтанное поведение есть поведение, утверждающее собственную самооценку, самореализацию в полном объеме [5]. Именно спонтанность, по мнению Я. Морено, А. Маслоу, Д. Ю. Дорофеева, Н. Э. Гусинского, Ю. И. Турчаниновой,

В. В. Налимова, обеспечивает действенность социальных механизмов выживания человечества.

Обращение к понятию «спонтанность», «спонтанный» позволяет выделить стержневые позиции в осмыслении личностной спонтанности как философского феномена. Философская энциклопедия определяет спонтанное как самопроизвольное, возникающее без внешних воздействий. По мнению В. А. Петровского, идея свободной причинности (т. е. возможности самопроизвольно начинать причинно-следственный ряд) – ровесница самой философии. Понятие спонтанности (от *лат. spontan*) этимологически связано с понятиями *to hekousion*, добровольный (или произвольный поступок), и *to automaton*, самопроизвольность (или самопроизвольное действие). Таким образом, понятие спонтанности определяется проблемой произвольности и рассматривается в двух принципиально различных перспективах: этической (*hekousion*), в которой она напрямую относится к человеку, полагающему и определяющему себя в свободном добровольном выборе; в физической (*automaton*), где спонтанность понимается как оценка действия, произошедшего не в силу каких-либо причин или полагания каких-либо целей, а само собой, в силу внешней причины. Первое понятие характеризует прежде всего действие человека, второе – природы [4]. В рамках нашего исследования будет рассматриваться прежде всего этический аспект этой категории, так как для педагогической реальности именно данный аспект является определяющим.

В античной философии Аристотель обращался к проблеме «свободной причинности» – «возвращению причины к самой себе». По Аристотелю, бытие человека определяется не тем, что вокруг него, а тем, как он сам себя полагает в деятельности по своему развертыванию и осуществлению, следовательно, спонтанность в античной философии понимается как сознательный (в смысле принимающий свое существование как самоопределение) свободный и неоднородный (потому что основан на соотношении как разумной, так и неразумной части души) акт самополагания,

всю ответственность за который человек берет только на себя [4, с.114].

В средние века проблема спонтанности раскрывалась в контексте отношений человека и Бога. Отсюда Бл. Августин обосновывает представление о неумолимой спонтанности во взаимодействии души с внешним миром. Свободный выбор определяется уже не исключительно разумом, а трансцендентальным Богом, а значит, оценка действия будет зависеть от того, в каком отношении находится оно к Богу. Свободный выбор – основная характеристика спонтанности как «способности сохранять правильность воли ради самой этой правильности». Ибо ангелы и люди обладают свободной волей (Ансельм Кентерберийский). Спонтанное действие, если оно противится Богу, оказывается принуждением изнутри. Будучи причастным греху, человек отчужден от Бога, от мира и самого себя [13]. Таким образом, аспект понимания спонтанности в этическом плане, т. е. в отношении к человеку, в античных и средневековых философских воззрениях определяется следующими характеристиками: произвольностью как свободным добровольным актом; действием, детерминированном свободной волей (полаганием себя в деятельности); способностью выбора самого себя.

В немецкой классической философии проблема свободной воли, полагания себя в деятельности становится предметом размышления в учениях И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга, Г. Гегеля, Ф. Ницше, А. Шопенгауэра. В аспекте исследования феномена спонтанности важными являются идеи И. Канта о свободной причинности. «Безусловная казуальность причины в явлении называется свободой, между тем как обусловленная причинность называется естественной причиной в узком смысле слова» [7, с. 336]. В учении Канта принципиально важным для этической значимости поступков является вопрос, в каких взаимоотношениях находятся друг с другом разум и стремление, т. е. являются ли поступки произвольными или произвольными. По утверждению философа, чистый разум «не уступает эмпирически данному основанию и не следует порядку вещей, как они показаны в явлении, а совершено

спонтанно создает себе собственный порядок, исходя из идей, приспособляя к ним эмпирические условия и сообразно им объявляя необходимым даже такие поступки, которые все же не совершались» [7, с. 422]. «Безусловная казуальность причины», или спонтанность, в учении И. Канта определяется глубинным, трансцендентальным источником нравственности. Категория выбора в его учении прежде всего связана с выбором добра и зла и признания другого человека как равного самому себе. Если человек сознательно и умышленно отвечает за свой поступок, в этом случае его (поступок) можно рассматривать как проявление свободного выбора или «сознательной добровольности». В своей работе «Критика чистого разума» И. Кант использует термин «свободное произволение» как характеристику разума, свободного, активного, независимого от внешних причин, способного к самоопределению и самополаганию. Понимание произволения в учении И. Канта почти тождественно самому понятию спонтанности.

Таким образом, предпосылками осмысления феномена спонтанности в современной философии становятся представления: о спонтанности как о сознательной добровольности, самополагании в деятельности, выборе самого себя через категорию добра и зла, признании другого как равного себе. Из проведенного нами анализа стал возможен подход к поиску сущности спонтанности в современной философии. В понимании процесса развития личностной спонтанности значимой является философская концепция экзистенциализма, смысловое ядро которой – проблема человека и его неповторимое уникальное бытие. Обращенность философов к бытию личности и самодетерминированности ее развития, ориентированного на внутреннюю свободу, нашло отражение в философских учениях С. Кьеркегора, А. Камю, Ж. Сартра, К. Ясперса, М. Хайдеггера, Н. Аббаньяно и др. Идея самополагания как проявления спонтанности получает свое глубокое осмысление в философских исследованиях М. Хайдеггера. Хайдеггер трактует спонтанность как «внутреннюю возможность» для «открытого поведения» человека в мире. «Открытое по-

ведение» есть ничто иное как свобода. Но это не означает, что человек производит ее «из себя». Сущность человека – это *Dasain*, «открытость». Как открытость человек согласован со своей сущностью, он существует в этой согласованности, т. е. он свободен для своего само-бытия. (*Selbst Sein*). Необходимость «бытия открытым миру» – это прежде всего необходимость «бытия свободным». Следовательно, истина – это событие, которое свершается во времени и устанавливает самого человека как открытого миру, т. е. свободного. «Свобода является основанием внутренней возможности для правильности лишь в силу того, что она получает свою собственную сущность» [19, с. 16]. Хайдеггер выходит к Другому через окружающий мир, общность которого определяется тем, что бытие в нем само по себе является событием. Экзистенция человека это и есть сам человек как спонтанная синергия – со-деятельность, т. е. взаимоотношенность феноменальной энергии с синергией «Иного», которой он открыт и с которой неразрывно связан. «Иное» – возможно только как «со-бытие», «сосуществование». Открытость, незавершенность бытия характеризуется ситуационностью. Существование, по мнению Хайдеггера, это всегда существование в форме какой-либо ситуации, т. е. расположенности к миру как целому. Характеризуя *Dasein* как условие существования человека, Хайдеггер определяет основные условия проявления спонтанности – всегда в определенной ситуации, в которую «заброшен» человек и эмоциональном отношении и переживании данной ситуации. Спонтанная синергия, по Хайдеггеру, – это всегда возможность свободы (в отличие от действительности свободы как поступка).

По С. Кьеркегору, диалектика личности такова, что она никогда не останавливается в своем движении и развитии: ее постоянство – в ее непостоянстве. Личность в своем непрестанном развитии стремится к автономии. Чтобы стать самим собой, в равной степени необходима возможность и необходимость. Внешнее – это необходимость, которая фрустрируется культурными нормами. Близким понятию спонтанности у философа является

определение возможности. Возможность – это потребности и мотивы, мысли и житейский опыт, чувства и ощущения, подсознание и интуиция. А. Камю трактует спонтанность как «вожделение», которое испытывает человек по отношению к миру. «Это вожделение напоминает ему о нем самом во времени, где внешний мир явлен самосознанию как его иное» [6, с. 223].

Таким образом, философы-экзистенциалисты расширяют понимание категории спонтанности, определяя ее как внутреннюю возможность для «открытого поведения» во множестве выборов, в которых человек реализует себя. Проявление спонтанности характеризуется ситуационностью как расположенностью к миру как целому, эмоциональным отношением, переживанием ситуации и содейательностью, т. е. взаимоотношенностью своей феноменальной энергией с синергией Иного.

Феноменологическое обоснование личностной спонтанности в рамках нашего исследования также имеет определяющее значение. В философии Э. Гуссерля речь идет о феноменах, понимаемых «как то, что является в сознании». Актуальные переживания, воспоминания, воображение, проявляющиеся в сознании, являются обнаружением спонтанно-смысловой жизни сознания. Интенциональность сознания, по Гуссерлю, трактуемая как «сознание о чем-то, осознание чего-либо», всегда направлена на выяснение смысла мысли. Направленность сознания на Иное – это не выход за пределы самого себя, к чему-то трансцендентному, ибо нет ничего неимманентного сознанию. По замечанию исследователя феноменологии Р. Соколовского [15, с. 212], анализ сознания у Гуссерля начинается со спонтанного переживания, которое рассматривается как смысловое, направленное на самого себя познающего. Категория спонтанного переживания интерпретируется философом и в отношении к Другому. Гуссерль стремится выйти к Другому непосредственно, отталкиваясь от Я. То есть очевидность Другого реальна только через очевидность моего собственного Я. Значимой в рамках нашего исследования является гуссерлевская концепция потока сознания как

«текущего настоящего». Именно в «текущем настоящем» или потоке сознания происходит осознание переживания. Феноменологическая трактовка спонтанности заключается в следующих характеристиках: переживание, воспоминание, воображение – являются проявлением спонтанности сознания; осознание переживания происходит в «текущем настоящем»; переживая свое отношение к Другому, я в нем переживаю и его отношение ко мне [3].

Изучение проблемы развития личностной спонтанности приводит к необходимости обратиться к проблеме философской *герменевтики* (В. Дильтей, Г. Зиммель, Ф. Шлейермахер, Х.-Г. Гадамер). С точки зрения предмета нашего исследования, спонтанности, методологическое значение имеет взаимосвязь основных категорий герменевтики «предпонимание» и «понимание» с понятием спонтанности. «Понимание», его характеристики, его динамика образуют ядро субъективной реальности, действительно отличающей одного субъекта деятельности от другого, и очерчивают сферу возможностей индивида в рамках этой реальности. Как утверждает Ф. Шлейермахер, «каждая понимаемая мысль должна непременно соотноситься с жизненным контекстом ее творца в сиюминутной конкретности казуса» [16, с. 19]. По Х. Г. Гадамеру, герменевтика не знает проблемы начала, «ведь конец и определяет начало как начало – конец». С помощью герменевтической рефлексии определяются условия истины, которые не лежат в логике исследования, а предшествуют ей. Задача герменевтики – пояснить ее. Предметом познания является сам познающий. Он познает о себе самом что-то потому, что смотрит на себя другими глазами, чем с точки зрения своей «практики» и своего самосознания. Достичь успеха в этом отношении – означает раздвинуть горизонты понимания. Пониманию предшествует пред-понимание. Оно выступает как пред-мнение, пред-рассуждение, пред-рассудок, которые вовлечены в игру понимания и находятся на очной ставке с фактами, текстами [2]. Ценность герменевтического опыта – в обретении смысловой свободы. Герменевтика признает за индивидом право творить смыслы. Творческая природа смыслов – индивидуаль-

ных возможностях, проявление которых определяется личностной спонтанностью. Тесным образом с предпониманием, предрассудком связан вопрос преодоления герменевтического круга. Герменевтический круг интересен тем, что ставит перед человеком, на первый взгляд, неразрешимую проблему. Он создает ситуации преодоления, требующие проявления всех глубинных способностей. Преодоление герменевтического круга возможно лишь при активизации предпонимания, что инициирует такие спонтанные и одновременно внутренние качества ума, как интуицию, догадку, ассоциацию. В понимании той или иной ситуации, явления присутствует элемент самопонимания, «понимания себя в- ситуации», именно это дает возможность осознавать ответственность в ситуации. Рассмотрение категории спонтанности с позиций герменевтики позволяет выявить следующие характеристики осмысления данного феномена: спонтанность является основным условием обретения смысловой свободы; проявление спонтанности возможно при понимании себя в ситуации (самопонимании); интуиция, догадка, ассоциация инициируют проявление спонтанности и проблему преодоления герменевтического круга.

В философской концепции *интуитивизма* для осмысления категории спонтанности актуальное значение имеют понятия «длительности», «здорового смысла», интуиции и реальности. Философия Анри Бергсона задала совершенно иную систему отсчета в трактовке сознания, которое не сводилось к логически познающему мышлению, коренилось в дорефлективных, нерационализируемых структурах непосредственного опыта, связывающего человека с миром. Этот опыт основывался на длительности и специфическом переживании времени. Образ человека, отстаиваемый в философии Бергсона – образ творца. Альтернативным понятию спонтанности можно считать в определении философа «длительность», характеризуемую как внутреннее движение, поток, непредустановленное и спонтанное творчество. Интуиция связана с длительностью, интеллект – с пространством. Время мыслится Бергсоном как серия «сейчас», серия моментов настоящего. Помогает

осмыслить понятие спонтанности и категория «здорового смысла» у Бергсона. Назначение здорового смысла в том, чтобы предсказывать последствия наших действий «скорее почувствовать их; отличать в области поведения существенное от случайного или неважного; выбирать из возможных то решение, которое принесет наибольшую пользу, не воображаемую, а реальную» [12, с. 72].

В учении Н. О. Лосского близким к понятию спонтанности является интуиция как непосредственное восприятие познающим субъектом не только своих чувств и хотений, но и даже предметов внешнего мира в подлиннике, т. е. как они действительно существуют во внешнем мире [10]. Здесь актуальной для понимания феномена спонтанности становится категория реальности, которая трактуется как знание, представляющее собой не копию и не символ предметной реальности, а саму действительность, жизнь, бытие, подвергнутое дифференцированию путем сравнения. Таким образом, интуитивизм совершает подлинный прорыв в реальность, которая является одной из основных характеристик спонтанности. Проблема спонтанности в учении Н. О. Лосского касается области нравственных отношений и трактуется через категорию свободы воли как возможности людей выбирать добро и зло. На первый взгляд, кажется, что поведение человека определено его характером, его эмпирическим существованием. Но ведь человек как деятель (тракуемый ученым как активное начало мироздания или творчество) по своей природе сверхвременен и сверхпространственен, следовательно, обладает силой детерминировать события, не будучи сам детерминирован ничем из природного бытия. Значит, каждый человек обладает свободой совершать или не совершать те или иные поступки. Но только положительные ценности вызывают положительные чувства и включают человека в нераздельное единство с миром. Таким образом, философская концепция *интуитивизма* обосновывает следующие возможности проявления спонтанности: *реальность* как условие проявления спонтанности; спонтанное *творчество* как активное начало мироздания; обусловленность спонтанного

творчества ценностями и возможностью выбирать добро и зло.

Системообразующее значение для понимания проблемы развития личностной спонтанности имеют *идеи синергетики* как науки о становящемся бытии сложноорганизованных систем (В. И. Аршинов, В. Г. Буданов, Е. Н. Князева, С. П. Курдюмов, И. Стенгес, Г. Хакен и др.). Основное понятие в рамках синергетического подхода – открытая система, допускающая неконтролируемое воздействие, что позволяет ей быть неустойчивой, признающей влияние окружения на себя, т. е. открытой Иному. Для понимания феномена спонтанности актуальным в данном подходе является понятие «диссипативной спонтанности», которая осуществляется в точке бифуркации и позволяет зародиться новому порядку, новому принципу самоорганизации. Синергетика определяет спонтанность как определенный способ самополагания, характеризующий спонтанным порядком, имеющим множественные возможности для самоорганизации и самоопределения, выбор из которых заранее не может быть запланирован. Что касается человека, то именно явные осознанные и скрытые подсознательные установки определяют его поведение сегодня. На базе увеличения разнообразия, «перевзвешивания» познавательных ценностей происходит отбор, отсеечение «ненужного». В этом смысл явных и латентных установок. Творческое мышление происходит не путем случайного перебора вариантов, а посредством выбора главного, чтобы организовать целое. «Никогда не происходит чистого и тупого перебора, но возникают предпочтения ...лучшим вариантам. То есть отбор направляется подсознательными установками. На стадии отбора играют роль интуиция, спонтанность и свободное движение ума, а стало быть, непредсказуемые и случайные элементы» [8, с. 110]. Таким образом, спонтанность как феномен саморазвития невозможно объяснить с точки зрения причины и следствия, количества и качества, ибо личность, обладающая спонтанностью, характеризуется изменчивостью, вариативностью, возможностью забегания вперед в осмысливании нового опыта, а отсюда и не-

предсказуемостью. Саморазвитие спонтанно в смысле обусловленности внутренними закономерностями становления человека. Исходя из этого положения, в рамках синергетического подхода факторами развития выступают не вообще объективные закономерности, а реальная ситуация, случайные изменения, которые и составляют основу развития. Проблема нелинейности, которая в самом широком смысле трактуется как многовариативность путей выбора и альтернатив развития, является основополагающей в теории развития спонтанности. Таким образом, в рамках синергетического подхода категория спонтанности характеризуется спонтанным порядком, имеющим множественные возможности для самоорганизации и самоопределения, выбор из которых заранее не может быть запланирован.

Диалогическая философия, представленная М. Бубером, М. М. Бахтиным, нашедшая свое продолжение в философии коммуникативного действия Ю. Хабермаса и К.-О. Апеля, определяет значимые позиции в осмыслении феномена спонтанности. В концепции М. Бубера разводятся понятия «своеволие, эгоцентричность» и «подлинная субъективность свободного человека». Близким по смыслу спонтанности можно считать понятие «подлинная субъективность свободного человека». По мнению ученого, «своевольный человек не верит и не встречает», свободный человек существует *во встрече*, в динамичности соотношений, *событий-встреч*. Внутренняя реальность существует лишь там, где есть взаимодействие, где все включается в действенный поступок общения, определяющий познавательные акты и акты поведения. Самополагание в рамках диалогической философии возможно только в форме межличностного общения в процессе взаимодействия. Человечность и человечество формируются в подлинных встречах. Здесь человек обнаруживает себя не только как ограниченный другим человеком, осознающий собственную конечность, частичность, несовершенство, но и происходит взаимное утверждение индивидуального бытия других людей. Именно во встречах осуществляется «право и необходимость видеть истину», в которой душа

«достигает себя со стороны озаренной светом души другого человека» [12]. М. М. Бахтин обосновывает и обогащает понятие взаимодействие характеристикой творчески продуктивных событий, которые возможны и «которые принципиально не могут развернуться в плане одного и единственного сознания, но предполагают два несливающихся сознания, события, конструктивным моментом которых является отношение одного сознания к *другому* сознанию именно как к *другому*» [1, с. 11]. По мнению Бахтина, продуктивность события не в слиянии всех воедино, но в напряжении своей вненаходимости и неслиянности, в использовании привилегии своего единственного места вне других людей.

Концепция Ю. Хабермаса, оперирующая понятием «коммуникативное действие» или «символически опосредованная интеракция», обосновывает категорию взаимопонимания как процесс рационализации действия, ориентированного на взаимопонимание. «Рационализация означает здесь устранение тех отношений принуждения, которые незаметно встроены в структуры коммуникаций» [17, с. 17]. В теории Хабермаса для понимания феномена спонтанности актуальное значение имеет парадигма, включающая в себя следующие компоненты: модель языкового взаимопонимания, компетентные субъекты речи и действия, взаимопонимание относительно чего-то в мире на фоне общего жизненного мира, языковое формирование согласия, посредством которого интеракции сплетаются в пространстве и времени. Значимым, на наш взгляд, в интерпретации условий проявления спонтанной реакции является характеристика любого действия как овладения ситуацией. Ситуации действия, том числе и коммуникативного, постоянно сменяются, при этом ситуации вовсе не представляют собой изолированные или даже сколько-нибудь четко отграниченные друг от друга «миры», они плавно, почти незаметно переходят одна в другую. Некоторая ситуация может быть понята как тематически выделенный фрагмент неопределенного поля действия. Таким образом, ситуация действия предстает как область актуальных потребностей взаимопонимания

и возможностей действия. В новой ситуации действия прежние определения ситуации утрачивают свою актуальность. Важную роль в обеспечении преемственности при переходе из одной ситуации в другую играет контекстное знание (контекстное знание определяется общей для всех участников коммуникации средой – локальные или этнические традиции, возраст, социальная группа) является одним из основных модусов бытия. Один из них – уровень внешних коммуникаций, являющийся типичным для нашей культуры. Человек взаимодействует с Другим на деловом, логически структурированном уровне, оставаясь замкнутым на самом себе, сохраняя в неприкосновенности свою систему смысловых представлений. Другой модус взаимодействия – трансперсональный. Это размыкание индивидуума, переоценка его смысловых позиций, «другодоминантность». Следовательно, в рамках концепции диалогической философии для осмысления категории спонтанности значимыми являются следующие положения: проявление спонтанности возможно в динамичности соотношений событий – встреч; контекстное знание и интерпретация ситуации действия являются условием проявления подлинной субъективности свободного человека. Спонтанность способствует осмыслению «привилегии своего единственного места вне других людей».

В современной философской антропологии категория спонтанности является предметом исследования В. В. Налимова, Д. Ю. Дорофеева. В. В. Налимов сущность спонтанности определяет с помощью системного анализа проблемы сознания в мировой философии. Фундаментальное значение имеют положения научной концепции ученого о взаимосвязи личностной спонтанности с такими категориями, как «свободная причинность», свобода, выбор, вероятность, воображение, смысловая структура личности, творчество, понимание-непонимание [11]. Д. Ю. Дорофеев рассматривает спонтанность в непосредственной взаимосоотнесенности с понятием гетерогенности и суверенности в перспективе развертывания нереализованных возможностей философской антропологии. Суверенность

понимается «как способность самому организовывать свое существование как имеющее решимость не определяться ничем, кроме собственной спонтанности, которая, таким образом, выступает как способ бытия личной суверенности» [4, с. 10]. По Д. Ю. Дорофееву, способ бытия суверенной личности есть спонтанность, понятая как выход к Иному. Гетерогенная неоднородность человеческой личности, по мнению ученого, «предстает как бытие неустойчивой, незавершенной, становящейся энергии, динамичная пульсация которой вызвана соприкосновением с Иным. Именно открытость проявлениям Инаковости, воспринятым в качестве одного из основных условий самоорганизации, позволяет человеку свободно самополагать себя во всевозможной полифоничной множественности» [4, с. 182]. При таком понимании способ бытия суверенности предстает как такое отношение с Инаковостью, в котором только и возможно проявление личности и раскрытие Инаковости. Характер отношения зависит от соотношенности с Иным как с Абсолютной личностью, другой человеческой личностью или природой. Способ проявления спонтанности суверенной личности характеризуется *спонтанным синтезом восприятия* (направленность), *открытостью чувства* (обретение себя открытым предполагает возможность Иному предстать открытым во всей своей инаковости), *свободным воображением и игрой*, заключающей в себе амбивалентность реальности и условности [4, с. 174–190].

Таким образом, современные философские концепции расширяют понятие спонтанности, конкретизируют формы ее проявления. *Спонтанность* характеризуется как *смысловая свобода* (обосновывается переход от свободы поступка к возможности свободы), *«внутренняя возможность»* для открытого поведения человека в мире; *самополагание* в полифоничной множественности; *способность* «найти себя в новом чужом». Проявление спонтанности определяется *ситуационностью* (интерпретацией ситуации действия как области актуальных потребностей взаимопонимания и возможностей действия); *содейательностью*, т. е. взаимоотношенностью своей феноменальной энергией с синергией «Иного»; *порядком*, имеющим множественные возможности для самоорганизации и самоопределения, выбор из которых заранее не может быть запланирован; *синтезом восприятия* (направленность), *открытости чувства* (обретение себя открытым предполагает возможность Иному предстать открытым во всей своей инаковости), *свободного воображения и игры*, заключающей в себе амбивалентность реальности и условности.

Данный анализ намечает некоторые подходы для введения в методологическое знание категории, расширяющей горизонт пространства педагогической реальности. Категория спонтанности помогает увидеть и осмыслить универсальные связи, тенденции и закономерности, характеризующие личность, способную сохранять суверенность, целостность в разных, быстро меняющихся условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: Азбука, 2000. 322 с.
2. Гадамер Х. Г. Истина и метод. Мир философии: книга для чтения. М.: Политиздат, 1991. Ч. 1. 672 с.
3. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.
4. Дорофеев Д. Ю. Суверенная и гетеропатагенная спонтанность: Философско-антропологический анализ. СПб.: СПбГУ, 2007. 671 с.
5. Калинаускас И. О спонтанности. URL: <http://www.humans.ru>. Загл. с экрана.
6. Камю А. Бунтующий человек / пер. с фр.; ред., сост. А. Руткевич. М.: Терра, 1999. 416 с.
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2008. 736 с.
8. Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Интуиция как самодостраивание // Вопросы философии. 1994. № 2. С. 110–122.
9. Краевский В. В. Методология педагогики: новый этап. М.: Академия, 2006. 400 с.
10. Лосский Н. О. Воспоминания // Вопросы философии. 1991. № 1. С. 92–153.

11. *Налимов В. В.* Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. М.: Прометей, 1989. 287 с.
12. *Огурцов А. П., Платонов В. В.* Образы образования. Западная философия образования. СПб.: РХГИ, 2004. 520 с.
13. *Рассел Б.* История западной философии. Ростов н/Д: Феникс, 2002. 922 с.
14. *Ставцев С. Н.* Введение в философию Хайдеггера. СПб.: Лань, 2000. 192 с.
15. *Ставцев С. Н.* Феноменология Гуссерля и русский интуитивизм // Между метафизикой и опытом / под ред. Д. Н. Разеева. СПб.: Лань, 2001. С. 205–225.
16. *Сулима И. И.* Педагогическая герменевтика. Нижний Новгород: Нижегородский юрид. институт МВД РФ, 2000. 255 с.
17. *Фурс В. Н.* Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. М.: Экономпресс, 2000. 224 с.
18. *Хайдеггер М.* Разговор на проселочной дороге. Избранные статьи позднего творчества / пер. Т. В. Васильевой, З. Н. Зайцевой. М.: Высшая школа, 1991. С. 16–17.
19. *Хайдеггер М.* Время и бытие: статьи и выступления / пер с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

REFERENCES

1. *Bakhtin M. M.* Avtor i geroy: K filosofskim osnovam gumanitarnykh nauk. SPb.: Azbuka, 2000. 322 s.
2. *Gadamer Kh. G.* Istina i metod. Mir filosofii: kniga dlya chteniya. M.: Politizdat, 1991. Ch. 1. 672 s.
3. *Gusserl' E.* Krizis yevropeyskikh nauk i transtsendental'naya filosofiya // Voprosy filosofii. 1992. N 7. S. 136–176.
4. *Dorofeyev D. Yu.* Suverennaya i geteropatagennaya spontannost': Filosofsko-antropologicheskiy analiz. SPb.: SPbGU, 2007. 671 s.
5. *Kalinauskas I.* O spontannosti. URL: <http://www.humans.ru>. Zagl. s ekrana.
6. *Kamyu A.* Buntuyushchiy chelovek / per. s fr.; red., sost. A. Rutkevich. M.: Terra, 1999. 416 s.
7. *Kant I.* Kritika chistogo razuma / per. s nem. N. Losskogo. M.: Eksmo, 2008. 736 s.
8. *Knyazeva E. N., Kurdyumov S. P.* Intuitsiya kak samodostroivaniye // Voprosy filosofii. 1994. N 2. S. 110–122.
9. *Krayevskiy V. V.* Metodologiya pedagogiki: novy etap. M.: Akademiya, 2006. 400 s.
10. *Lossky N. O.* Vospominaniya // Voprosy filosofii. 1991. N 1. S. 92–153.
11. *Nalimov V. V.* Spontannost' soznaniya. Veroyatnostnaya teoriya smyslov i smyslovaya arkhitektonika lichnosti. M.: Prometey, 1989. 287 s.
12. *Ogurtsov A. P., Platonov V. V.* Obrazy obrazovaniya. Zapadnaya filosofiya obrazovaniya. SPb.: RKHGI, 2004. 520 s.
13. *Rassel B.* Istoriya zapadnoy filosofii. Rostov n/D: Feniks, 2002. 922 s.
14. *Stavtsev S. N.* Vvedeniye v filosofiyu Khaydeggera. SPb.: Lan', 2000. 192 s.
15. *Stavtsev S. N.* Fenomenologiya Gusserlya i russkiy intuitivizm // Mezhdru metafizikoy i opytom / pod red. D. N. Razeyeva. SPb.: Lan', 2001. S. 205–225.
16. *Sulima I. I.* Pedagogicheskaya germenevtika. Nizhniy Novgorod: Nizhegorodskiy yurid. institut MVD RF, 2000. 255 s.
17. *Furs V. N.* Filosofiya nezavershennogo moderna Yurgena Khabermasa. M.: Ekonompress, 2000. 224 s.
18. *Khaydegger M.* Razgovor na proselochnoy doroge. Izbrannye stat'i pozdnego tvorchestva / per. T. V. Vasil'yevoy, Z. N. Zaytsevoy. M.: Vysshaya shkola, 1991. S. 16–17.
19. *Khaydegger M.* Vremya i bytiye: stat'i i vystupleniya / per s nem. M.: Respublika, 1993. 447 s.